

Мордовцев Даниил Лукич

Говор камней

**Четырнадцать рассказов из жизни
древнего Египта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Говор камней: Четырнадцать рассказов из жизни древнего Египта / Мордовцев Даниил
Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-519-97416-5

ISBN 978-5-519-97416-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Кто отправляется въ Мемфисъ съ надеждой увидѣть мѣстность, которой развалины сами по себѣ достойны той славы, которой пользовался знаменитый міровой городъ на берегахъ Нила, — говорить далѣе Бругшъ-бей, — тотъ жестоко будетъ разочарованъ взглядомъ на незначительные остатки старины. Только умственный взоръ можетъ вызвать изъ прошедшаго Мемфисъ во всемъ его величіи и великолѣпіи, и, только имѣя это въ виду, можно предпринять поѣздки, которую можно назвать паломническою, къ гробницамъ древней царской столицы, къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда возвышалось знаменитое святилище божественнаго зодчаго вселенной — Пта, гдѣ нынѣ — только пальмовый лѣсъ и обширное, феллахами обрабатываемое поле вблизи арабскаго селенія Мить-Рахине“.

Моя поѣздка въ Египетъ была тѣмъ же „паломничествомъ“, — паломничествомъ къ гробницамъ чудесъ дивной страны фараоновъ.

Созерцая „поле пирамидъ“ съ высоты Хеопса, я прочелъ и выписку изъ Абд-ул-Латифа, арабскаго врача, посѣтившаго развалины Мемфиса въ XIII вѣкѣ. Не тѣ тогда были эти развалины!

„Несмотря на значительное пространство, занимаемое этимъ городомъ, — говоритъ умный арабъ, — и несмотря на высокую древность его, несмотря на мѣнявшіяся формы разныхъ владычествъ, подъ игомъ которыхъ

эти формы должны были гнуться въ теченіи временъ, и хотя самые разнообразныя народы употребляли все возможное, чтобы уничтожить городъ до основанія, стирая всякіе слѣды прошедшаго, уничтожая всякіе малѣйшіе остатки, растаскивая камни и части зданій, разрушая строенія и разбивая изображенія, ихъ украшающія, несмотря, наконецъ, на работу самого времени, понемногу уничтожавшаго городъ въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ, несмотря, говоримъ мы, на множество причинъ, способствовавшихъ разрушенію — развалины Мемфиса представляютъ, однако, глазамъ наблюдатели соединеніе такихъ чудныхъ произведеній искусства, которыя приводятъ умъ въ смущеніе и для описанія которыхъ самый краснорѣчивый человѣкъ не находитъ достойныхъ словъ. Чѣмъ болѣе на городъ этотъ смотришь, тѣмъ болѣе растетъ удивленіе, и всякій новый взглядъ, брошенный на его остатки, все болѣе и болѣе заставляетъ приходить въ восхищеніе. Только что онъ вызоветъ новое представленіе въ душѣ на него смотрящаго, какъ новое сильное впечатлѣніе овладѣваетъ зрителемъ, и едва только начинаешь думать, что ознакомился совершенно съ нимъ, какъ начинаешь въ ту же минуту чувствовать, что то, что узналъ, далеко не соответствуетъ истинѣ“.

Все, что я успѣлъ прочесть о Египтѣ передъ отправленіемъ въ эту страну чудодѣйственнаго Нила, въ

страну пирамидъ, сфинесовъ и обелисковъ, — все, что впитала въ себя моя память почти съ дѣтскихъ лѣтъ о фараонахъ и ихъ дѣянiяхъ, о многолюдныхъ, стовратныхъ городахъ, существовавшихъ уже тогда, когда не было на землѣ не только Аѳинъ, Спарты и Рима, но даже Трои и Вавилона, — все это, казалось, вставало теперь въ моемъ возбужденномъ воображенiи и подавляло однимъ лишь представленiемъ о такой изумительной древности, о которой не подозрѣвалъ даже тотъ, кто оставилъ намъ сказанiе о сотворенiи мiра и о дальнѣйшихъ судьбахъ земли и ея обитателей.

Вотъ изъ исторiи этой-то страны чудесъ и будутъ слѣдовать мои рассказы, въ которыхъ я не стану держаться хронологическаго порядка, а буду излагать ихъ такъ, какъ они возникали въ моей памяти и въ моемъ воображенiи, напитанномъ дивною исторiею страны пирамидъ. Исторiя Египта — вся на камняхъ: — испещренные гiероглифами стѣны храмовъ, пирамиды, обелиски, „стелы“ (каменные плиты — „памятные камни“), саркофаги, гробницы, сфинксы, начертанiя на скалахъ — только они и говорятъ о прошломъ Египта, да немного — папирусы. Оттого я и назвалъ свои египетскiе рассказы — *„Говоръ камней“*.

Такимъ образомъ первый мой рассказъ будетъ относиться ко времени построенiя пирамиды Хеопса, на которой я возбужденно переживалъ прошедшую жизнь.

страны фараоновъ раннимъ утромъ 20 мая 1881 года, т. е. я расскажу на первый разъ то, что случилось въ Мемфисѣ за 6929 лѣтъ до нашихъ дней.

Глубокая древность — сколько въ ней чарующей прелести!

I.

Дочь фараона Хеопса.

Фараонъ Хеопсъ, первый царь изъ IV-й династіи владыкъ страны Нила, въ сопровожденіи блестящей свиты и придворныхъ стрѣлковъ, ѣхалъ на своей боевой колесницѣ отъ „долины газелей“, гдѣ онъ охотился на этихъ быстроногихъ животныхъ, а теперь, послѣ удачной охоты, возвращался въ свою столицу. Солнце клонилось къ закату, отбрасывая длинныя тѣни отъ гигантскихъ пальмъ, живописными группами раскидававшихся по долинамъ Нила, и играя на гладко полированныхъ граняхъ стройныхъ, красивыхъ обелисковъ, высившихся изъ-за бѣлыхъ стѣнъ Мемфиса. Влѣво, точно молчаливые стражи на рубежѣ песчаной пустыни, выступали остроконечныя вершины пирамидъ предшественниковъ Хеопса — фараоновъ Ноферкара, Сеноферу и другихъ царей III-й династіи. Въ свѣжѣющемъ воздухѣ, высоко въ небѣ, кружась спиралями, перекликались орлы, какъ бы сверля неподвижный воздухъ пустыни жалобнымъ, металлическимъ клектомъ.

Рядомъ съ колесницей Хеопса ѣхала на своей легкой, изъ слоновой кости и золота, колесницѣ юная,

любимѣйшая дочка фараона, царевна Хентъ-Сенъ. Это была прелестная двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, которая, несмотря на свой нѣжный возрастъ, участвовала въ воинскихъ развлеченияхъ отца и своею маленькой ручкой, вооруженной легкимъ боевымъ копьемъ, наносила неизбѣжную смерть граціознымъ обитательницамъ пустыни, тонконогимъ газелямъ. Смуглое, миловидное личико ея имѣло нѣжныя очертанія совершенно еще дѣтскаго возраста, и только большіе, съ длиннымъ разрѣзомъ глаза своею недѣтскою задумчивостью напоминали глаза сфинкса съ ихъ неразгаданнымъ выраженіемъ.

Обокъ съ Хеопсомъ, нѣсколько отступая, слѣдовалъ за фараономъ его ближайшій царедворецъ, въ званіи „мура“ или строителя пирамидъ, по имени Памау, и другіе, низшіе придворные сановники, а за ними — воины и стрѣлки съ убитыми газелями.

По мѣрѣ приближенія къ пирамидамъ, слышались все болѣе и болѣе возгласы и окрики многочисленной толпы каменоломщиковъ и другихъ рабочихъ, то подвозившихъ къ строящейся пирамидѣ Хеопса громадныя глыбы тесанаго камня, то поднимавшихъ ихъ гигантскими блоками и другими приспособленіями на ту или другую грань будущей великой гробницы фараона.

— Хвала тебѣ, Памау! — вдругъ произнесъ Хеопсъ, останавливая свою колесницу и любуясь громадою высившейся впереди и далеко еще неоконченной пирамиды. — Мой домъ — жилище вѣчнаго упокоенія въ царствѣ Озириса — уже и теперь величіемъ своимъ превосходитъ пирамиды моихъ предшественниковъ, фараоновъ

Ноферкара и Сеноферу. А я еще здоровъ, силенъ и духомъ и тѣломъ, и надѣюсь, что великій Озирисъ еще не скоро призоветъ меня въ обитель вѣчнаго упокоенія, и моя пирамида превзойдетъ величіемъ всѣ доселѣ воздвигнутыя загробныя жилища фараоновъ.

Извѣстно, что каждый фараонъ, едва только вступалъ на престолъ, тотчасъ же отдавалъ приказаніе о заложении ему будущей усыпальницы. „По старому обычаю,— говоритъ историкъ фараоновъ,— египтянинъ еще въ полномъ здоровьѣ и силѣ привыкалъ мыслию слѣдить за стройнымъ движеніемъ бога Ра-солнца, подымающагося на востокѣ и ежедневно спускающагося на западѣ во мракъ ночи, тамъ, гдѣ открывалась, по понятію египтянъ, дверь смерти и гдѣ долженъ былъ покоиться трупъ, долженствовавшій ожидать, послѣ долгихъ лѣтъ, возстанія къ новой жизни, между тѣмъ какъ душа, — правда, привязанная къ тѣлу, — имѣла, однако, свободу днемъ, подъ желаемую ею формою, выходить изъ гроба и снова входить въ него. Съ такими вѣрованіями соединенъ былъ обычай готовить свою посмертную усыпальницу заблаговременно“... Поэтому, чѣмъ дольше жилъ фараонъ, тѣмъ болѣе и болѣе могла расти его пирамида. На это и намекнулъ Хеопсъ своему „муру“ Памау при видѣ своей пирамиды.

— О, непобѣдимый сынъ Горуса! — почтительно отвѣчалъ Памау, высокій, загорѣлый египтянинъ со страусовымъ опахаломъ въ рукѣ, знакомъ своего высокаго сана: — моя преданность твоему святѣйшеству такъ безпредѣльна, какъ твои владѣнія, и я не пощажу

своей жизни, чтобы воздвигнуть тебѣ обитель упокоенія такой высоты, какъ само небо, чтобы могъ ты съ вершины твоей пирамиды обозрѣвать всѣ твои владѣнія и подавать твою царственную руку самому Аммону-Ра, вѣчно живущему.

Глаза Хеопса сверкнули гордымъ довольствомъ.

— Твое усердіе, Памау, — твое благополучіе, — сказалъ онъ послѣ минутнаго раздумья: — какъ возвысишь ты мою пирамиду, такъ возвышу тебя я предъ людьми. Вотъ мое сокровище (онъ указалъ на Хентъ-Сень): — это — не распустившійся еще цвѣтокъ лотоса... Когда онъ распустится — я отдаю его тебѣ въ жены. Хоть она годится быть тебѣ внучкой, но — созрѣвшій лотосъ — для всѣхъ лотосъ: — и для юношей, и для старцевъ.

При этихъ словахъ отца милостивое личико юной царевны, несмотря на свою смуглость, замѣтно поблѣднѣло.

Поблѣднѣло и другое молодое смуглое лицо, глянувшее на Хентъ-Сень изъ-за Хеопса. То былъ красавецъ Нутеру, сынъ фараонова виночерпія и „адона“ — соправителя страны. Находясь при дворѣ Хеопса, Нутеру еще въ юности носилъ на рукахъ маленькую Хентъ-Сень, и по мѣрѣ того какъ дѣвочка подросла, все болѣе и болѣе привязывался къ ней и сближался, а когда Хентъ-Сень подросла, чувство его къ ней превратилось въ пламенную страсть, какую только можетъ влить въ кровь египтянина африканское солнце. Съ своей стороны Хентъ-Сень, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ, уже чувствовала въ крови своей бога Ра —

пламенное солнце Египта. Она любила Нутеру. Она помнила ночь, когда при яркомъ блескѣ безумныхъ звѣздъ она сама обезумѣла въ объятіяхъ Нутеру и именемъ богини Гаторъ *) поклялась принадлежать только ему.

Она взглянула теперь на Нутеру и встрѣтила его полный отчаянія взглядъ. Въ глазахъ дѣвочки блеснула непоколебимая, недѣтская рѣшимость. Эти прекрасные глаза сфинкса говорили: — „не бойся! — что я сказала въ ту ночь — я исполню“...

Поощренный словами Хеопса, Памау, въ надеждѣ скоро породниться съ фараономъ и взять себѣ въ жены прелестную малютку, на другой-же день отдалъ приказъ отъ имени царя — согнать въ Мемфисъ все рабочее населеніе Египта для продолженія постройки пирамиды своему повелителю. Онъ приказалъ даже запретъ всѣ храмы въ странѣ, чтобы молитвы и жертвоприношенія не отвлекали народъ отъ этой по истинѣ египетской работы.

И пирамида росла, подымаясь гигантскимъ чудовищемъ на рубежѣ пустыни.

Прошло три года. Маленькой Хентъ-Сенъ минуло уже пятнадцать лѣтъ.

Желая похвалиться созданіемъ своихъ рукъ и скорѣе достигнуть обладанія прекрасной царевной, Памау пригласилъ Хеопса и весь его дворъ подняться на пирамиду, пока вершина ея еще не сведена на остріе четырехграннаго меча и пока на ней можно еще помѣститься фараону и его приближеннымъ.

*) Богиня любви.

— Тамъ, о, сынъ Горуса, — ты подашь руку самому великому Аммону-Ра, — закончилъ свою рѣчь Памау.

При помощи искусныхъ приспособленій изъ блоковъ и гигантскихъ катушекъ, богато украшенная платформа съ перилами, на которой помѣстился Хеопсъ, окруженный эрисами, носителями опахалъ фараона и другими сановниками, — была плавно поднята на вершину немного недостроенной пирамиды. Расположенные внизу пирамиды войска привѣтствовали, вмѣстѣ съ тысячами собравшагося народа, военною музыкою и восторженными криками это восхождение фараона на свою пирамиду — мѣсто будущаго упокоенія могущественнаго владыки Египта. Вмѣстѣ съ отцемъ поднялась на пирамиду и юная Хентъ-Сенъ. Въ свитѣ фараона находился и красавецъ Нутеру.

Гордой радостью блеснули глаза Хеопса, когда подъ его ногами развернулась дивная панорама — панорама, которая въ теченіе тысячелѣтій очаровывала и приводила въ изумленіе тысячи смѣльчаковъ, восходившихъ на пирамиду Хеопса, начиная отъ Геродота и Плинія и кончая Наполеономъ.

— Да, Памау, — сказалъ Хеопсъ строителю пирамиды, — ты заслужилъ обѣщанную тебѣ награду... Вотъ моя любимѣйшая дочь: — бери себѣ этотъ распутившійся нѣжный цвѣтокъ лотоса.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ Хентъ-Сенъ съ крикомъ бросилась въ объятія Нутеру. Они мгновенно очутились на самомъ краю южной грани пирамиды. Ноги ихъ стояли на ужасающей высотѣ.